

ГЕНН КОРНИЛОВ (Чебоксары)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВЕНГЕРСКО-ПЕРМСКО-БУЛГАРО-ЧУВАШСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Первоначальной целью автора настоящей статьи было уточнение объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей в плане углубления и расширения тематики и проблематики известной работы З. Гомбоца.¹ Результаты первого этапа работы опубликованы в виде статьи об источниках алтайских заимствований в венгерском языке², и книги, содержащей более двухсот сближений в пределах первых четырех букв венгерской латиницы.³

От продолжения работы в названном направлении пришлось отказаться, и не только потому, что отдельные параллели и сближения не выдержали критики (ошибочные сопоставления имеются у этимологов всех степеней, положений и рангов), а главным образом ввиду того, что критический анализ TESz, пяти томов SKES, КЭСК, «Этимологического словаря чувашского языка» В. Г. Егорова (Чебоксары 1964), этимологических словарей тюркских языков (M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki 1969; Э. В. Севортян, Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные), Москва 1974) и т. д. грозил превысить суммарный объем названных и других словарей-источников. Не столько в структурно-сопоставительном и методическом, сколько в историко-сопоставительном и глоттогенетическом планах представлялось показательным ограничиться лишь общим пермско-угорским фондом, насчитывающим, согласно указателю КЭСК, 404 единицы (лексические основы). Результатом второго этапа работы и стал критический анализ указанных единиц в плане выявления для них прямых параллелей в болгаро-чувашско-тюркских диалектах и косвенных соответствий в славянских, индо-иранских и иных евразийских источниках. 1. В TESz отсутствует известное по работам Ю. Вихмана устарелое и довольно специальное по значению венг. *beder* 'перекрученная пряжа'. Авторы КЭСК сближают с ним коми *быдмавы* '(с)мотать; завернуть; обернуть; свернуть, скатать (в трубку)'. Нам представляется безупречным считать венгерскую основу нулевым производным от транзитива, представленного в чувашском также переднерядной основой *-p'ä'där-* 'крутить, вить, завивать (нить, пряжу, веревку); свивать, изви-

¹ Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen lehnwörter in der ungarischen sprache, Helsinki 1912 (MSFOu XXX).

² Г. Е. Корнилов, К вопросу об источниках алтайских заимствований в венгерском языке. — СФУ VII 1971, с. 113—117.

³ Г. Е. Корнилов, Евразийские лексические параллели. К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей I, Чебоксары 1973; см. также И. Зикань, [Рец. на] Г. Е. Корнилов, Евразийские лексические параллели. К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей I, Чебоксары 1973. — СФУ XIII 1977, с. 62—66; Н. А. Сыромятников, Заимствованные и исконные общности в алтайских языках. — ВЯ 1975 3, с. 56.

вать и т. п.', откуда вторичные *pəˈdərge* 'крученный, сученый', *pəˈdərkke* 'завитой, кудрявый'; в диалектах еще более точная параллель, представленная непогашенным имитативом *p'əˈdər-*, на именном значении которого базируются рефлексив *pəˈdərˌrlen-* (вместо лит. *pədərən-*) 'крутиться, виться, свертываться, скатываться; изгибаться, извиваться' и композит *pəˈdər-r-pəˈdər* 'крученный, сученый, (за)витой и т. п.; (за)витками, кудряво'.

2. Несомненно общий, имитативный по природе, производящий корень в основе чув. *ši(i)-* 'дуть сквозь зубы; особым образом свистеть; стремительно распространяться при определенной высоте тона — о звуке; идти буйно в рост — о хмеле и т. п.', *ši kurək* 'одуванчик', производ-

ного имитатива *šip-* 'писк, пискнуть', названия птицы *šipčik* 'соловей' (см. тюркские соответствия в словарях В. Г. Егорова и М. Рясанена), а также приводимых в КЭСК коми *чипсан* 'род свирели из стебля дягиля', *чипсыны-* 'свистеть, играть на чипсане; щебетать; пищать'; удм. *чипсон* 'свистулька, свирель; свист, трель', *чипсыны-* 'свистеть, разливаясь трелью'; венг. *csipeg-*, *csipög-* 'свистеть' и т. п.

3. Корни — русского глагола *щипать*; общетюркских форм, отразившихся в чув. *ʃšəˈvət-* 'щипать; есть мелкими порциями', *ʃšəˈptəm* 'щепоть'; венгерских форм, представленных в производных *csip-* 'щипать; кусать; клевать', *csipet(ni)* 'щепотка' (ср. чув. *čəvətni* букв. 'то, что ущипано'), *csipdes* 'пощипывать; клевать (о птице), кусать (о насекомых), говорить колкости' (ср. чув. *čəvədes* то же) — типологически вне всякого сомнения восходят к аллоформам одного имитатива, возможно имею-

щего отношение к параллелям чув. *čip|ʃšivə* 'цыпленок, курица', поскольку обнаруживаются значения 'клевать' у венг. *csipdesni*, *csipegetni* и 'крошечный, крохотный' у венг. *csipetnyi*. В КЭСК венг. *csip-*, *csipett-* сравнивается с коми *чепольтны* 'ущипнуть', *чеполя* 'щипцы, щипчики'; удм. *чепыльтыны-* 'ущипнуть, прищемить'; мар. *чывышташ* 'щипать' и под вопросом с фин. *hypistää* то же, *hyppy* 'кончик пальца'; саам. *ciēhr* 'палец', *ciрсi* (Лула) 'щипнуть', что убедительно. Однако далее сравнение венг. *csipni* 'щипать, колоть, кусать (о насекомых)' с коми *чибны* 'гонять шар при игре', *чибны* 'метнуть, бросить, кинуть', *чибни* 'столкнуть, спустить с высоты', *чибны* 'стукнуть, поразить', видимо, ошибочно; последние пермские основы имеют корень, аналогичный чув. *šar-*, *šur-* 'бить, ударять по чему-л., в том числе по мячу', *šarni* 'удар, стуканье и т. п.'; ср. рус. *шибать, шибить, шибануть* и т. п., более всего подходящие для сравнения с коми *чибны-*, *чибни-*. Не обязательно заимствование чувашского откровенного имитатива *šar-*: *šavušši* (из *šar-jivəšši*) из русского, как полагает М. Рясанен (словарь, с. 104б), вторично производное рус. *цеп* само восходит к глагольной основе — имитативу ультрамгновенного подвида; ср. также тюркские параллели к чув. *šur-/šop-* в словаре М. Рясанена (с. 99а, б). В. М. Иллич-Свитыч в значении 'щипать' восстановил на ностратическом уровне *šip*л (де-скрипт.): и.-е. **skeip-* 'щипать' ~ алт. **šip*л- 'щипать' ~ ур. **šip*л- 'щипать, ощипывать'.⁴ Исключительно любопытно рассмотрение славянских параллелей рус. *типать, типнуть* влгд., вят. 'укусить, клонуть, щипнуть и т. д.', чеш. *tipati* 'колоть, щепать' и т. д. у Л. В. Куркиной⁵.

⁴ В. М. Иллич-Свитыч, Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский). — Этимология 1965, Москва 1967, с. 373.

⁵ Л. В. Куркина, Словенско-восточнославянские лексические связи. — Этимология 1970, Москва 1972, с. 99—100.

4. Приведем пример, показательный тем, что непосредственное сепаратное сближение венг. *ég* 'небо, воздух' с чув. *šank*:- *šank ujar* (об *ujar* см. словарь М. Рясняна, с. 116), *šangama*:- *šangama ujar*, *šangār*:- *šangār ujar*, *šangārt*:- *šangārt ujar*!, *šānk*:- *šānk ujar*, *šāngār*:- *šāngār ujar*, *šāngārt*:- *šāngārt ujar* и т. д. на первый взгляд представляется совершенно невозможным, особенно, если учесть, что соответствующие препозитивные компоненты в переводном чувашско-русском словаре интерпретированы как показатели суперлатива в значении 'совершенно, совсем'; перечисленные словосочетания в разных местах все без исключения переведены 'совершенно ясно, безоблачно (о погоде)'. На самом же деле *šank*, *šangama*, *šangār* и т. п. буквально означают 'звонкий, звон; прозрачный, прозрачно; ясный, ясно' и родственный им корень-имитатив, представленный ступенью *j*-инициала, *jangār* (орф. *янкәр*) переведен совершенно точно: '1) подражание звону (ср. осет. *zængærcæg* 'колокол', груз. *zangalaki* и т. д., арм. *zangulak*, перс. *zangūla(k)*, тадж. *zangūlača* 'колокольчик', *žangar-žangær*, *žingiros* 'звон', тюрк. *čangär* 'звон, визг', чув. *šāngār*, неточно транскрибированное в виде *šānkär* 'колокольчик, звон'⁶); 2) ясный, прозрачный', ~ *ujar* 'ясная погода'; ~ *tüve* 'чистое небо'. К этому же ряду относим и древнейший чувашский имитатив *jangar* 'летний туман; мгла от дальних лесных пожаров; марь, марево', ср. *jangar šəvat*- 'застилает туман; марево окутывает (пространство)', ср. санскр. *aṅgār* 'горящие угли; пылающие поленья; искра'.

Опосредствующие звенья между приведенными чувашскими и венгерской формами выясняются при анализе самой угорской основы, которая в КЭСК сравнивается с саам. *šonŋä*, *šəŋŋ* 'ветер', фин. *sää* 'погода', коми *сынӧд* 'воздух, марь, марево; дым'; *сынӧд вӧчны* 'обкуривать (кротов)'

Семантическую параллель к значениям венг. 'небо' ~ чув., коми 'марь, марево' представляют араб. *'arš* 'небо, небеса' (также в хинди как арабское заимствование), но чув. *əṛša* 'зной, марево, мгла', ср. *əṛša vīlat(ə)* 'марит', видимо, букв. ист. 'небеса блазнятся/играют'.

Весьма близки к чув. *jangar* тюрк. *iŋgir*, *iŋyir*, *jeŋir*, *jīŋir*, *jeŋir*, *jīŋir* и т. д. 'сумерки, вечер, вечерняя темнота; темь, марево, полумрак и т. п.', для которых Г. Рамстедт восстанавливал более старую форму **jūŋür*⁷, сравнивая с тунг. *nuŋur*, *luŋür* 'вечером, в сумерках' и т. д. Э. В. Севортян добавляет монг. *үүр* 'рассвет, утренняя заря', сравнивая с монг. (письм.) *uniyar*, *üniyer* 'вечерний туман, мгла' (словарь, с. 356).

Приведенное выше сравнение чув. *šangār*, *jangār* с санскр. *aṅgār* (у В. М. Иллича-Свитыча 'уголь' вместо более точных 'горящие угли, пылающие поленья; искра') позволяет ставить вопрос об отнесении сюда же обобщенных у В. М. Иллича-Свитыча индоевропейских параллелей ст.-слав. **ѠГЛЪ**, древнепрус. *anglis* и т. д. (праформа **Heng*- 'гореть'), уральских параллелей марГ *əŋg*-, марЛ *eŋ*- 'тлеть, обугливаться, загораться', марВ *eŋ* 'огонь' (отсюда заимствовано, по мнению автора, чув. *ǫn*-, *ǫñ*- 'опалиться, палиться, обугливаться', что сомнительно), старовенг. **ēg*- 'гореть', венг. *ég*-, хант. Васюган *jāŋ-ləl*- 'жа-

⁶ В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, Москва—Ленинград 1958, с. 394.

⁷ G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft I. Lautlehre, Helsinki 1957, с. 76.

речь на огне'; коми (уст.) *iñ* 'пламя', *iñal-* 'пылать'; дравидийских параллелей тамил. *ēnku*, ката *ēng-*, телугу *ēkaru* 'изнывать, страстно желать'.⁸

В связи с *-m- < *-η-* позволительно усматривать вторичное развитие ряда: чув. *ḷmḷr-: ḷmḷr šandalāk* 'теплая пасмурная погода', коми *ымр-: ымравны, ымыр-: ымыртны* 'веять теплом'; мар. *ýмыр* 'теплый, тихий (о погоде)'; удм. *омыр* 'воздух; жар, выходящий из печи; тепло', фин. *aurinko* 'солнце'.

С другой стороны, если признавать праформу у Иллича-Свитыча **Heng-* и последующие примеры, то сам собой встает вопрос об отнесении сюда же тюркских параллелей азерб. *janig* 'ожог; сгоревший', тат., башк. *janik* 'гарь; нагар', чув. *šonāk/šunāk* 'горелый, гарь, нагар и т. п.' и их производящих радикасов: *jan-, jon-, žan-, džan-, šon-, šon-, šun-* и т. д. 'гореть, пылать, пламенеть; обугливаться, тлеть и т. д.' (ср. словари В. Г. Егорова, с. 218 и М. Рясненa, с. 180a, 184b).

Рассмотрев подобным образом весь общий пермско-угорский фонд, можно сделать выводы.

1. Из 404 предположительно гомогенных основ в венгерском и пермском языках, на базе которых собственно держится мнение о ближайшем родстве последних, абсолютное большинство — около 350 — обнаруживается также в чувашском или в чувашском и в других тюркских языках.

2. Окончательные (корневые) этимологии венгерско-пермских параллелей можно установить, лишь обращаясь за пределы финно-угорской семьи языков, а именно — к тюрко-чувашским, индо-иранским, славянским и иным соответствиям, остающимся, к сожалению, вне поля зрения авторов названных этимологических словарей.

3. Окончательные (корневые) этимологии рассматриваемых венгерско-пермско-булгаро-чувашских параллелей сводятся к тому, что устанавливается структурное и семантическое тождество производящей основы с тем или иным, живым или погашенным, имитативом, первоначально образованным не сочетанием фонем со смыслоразличительной функцией, а сочетанием звуков-идеофонов со смысловыразительными свойствами.⁹

Третий, заключительный, этап исследования составило сознательное и значительное сокращение числа словарных статей с одновременным расширением круга «евразийских» языков, из которых привлекались дополнительные лексические параллели, последнее более других облегчало материалы «ностратических» изысканий В. М. Иллича-Свитыча. Результаты третьего этапа нашего исследования были доложены на всесоюзном совещании¹⁰, и частично опубликованы.¹¹ Остается злобо-

⁸ В. М. Иллич-Свитыч, Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (*b — k*), Москва 1971, с. 245—246.

⁹ Г. Е. Корнилов, Взаимосвязи пермских, угорских, чувашского языков и теория имитативов. — Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР (Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания финно-угроведов). 27—30 октября, Ужгород 1977.

¹⁰ Г. Е. Корнилов, Теория имитативов, ностратика и тюркология. — Языкознание. Тезисы докладов и сообщений III Всесоюзной тюркологической конференции. 10—12 сентября 1980 г., Ташкент 1980.

¹¹ Г. Е. Корнилов, К теории имитативов — I. — Диалекты и топонимия Поволжья 5, Чебоксары 1977, с. 61—142; его же, Теория имитативов и данные чувашских диалектов (К теории имитативов—II). — Диалекты и топонимия Поволжья 6,

дневной поддержанная Н. К. Дмитриевым¹² мысль Г. Рамстедта об актуальности, теоретической и практической значимости изучения подражательных слов, основ и корней во всех известных науке живых языках, диалектах и наречиях.

Прочитав вышеизложенное, нетрудно заметить, что первоначальной целью автора не было доказать или опровергнуть ту или иную гипотезу, теорию, то или иное учение. Опыт показывает, что исследователь-этимолог, приступающий к сбору материала в условиях, когда он придерживается той или иной теории, всегда находит нужные ему факты, невольно игнорируя при этом многое из того, что противоречит его исходным установкам. Разумеется, указание на данное обстоятельство отнюдь не означает, что автор является противником теоретического языкознания или склонен хоть сколько-нибудь принизить его весьма важную роль в нашей науке. Но он целиком и полностью разделяет мнение О. Н. Трубачева, согласно которому «в этимологическом исследовании общие теоретические положения обретают наибольшую убедительность лишь в устах этимолога, вполне владеющего этимологической практикой, в противном случае они очень легко превращаются в неинтересные догмы, за которыми ничего не стоит. Иными словами, именно в этимологии два возможных уровня исследования переплетаются наиболее тесным образом»¹³ (если не считать их вообще неделимыми — Г. К.).

Как уже упоминалось, в КЭСК приведено в качестве гомогенных или предположительно гомогенных с пермскими 404 венгерских слова. По преимуществу это т. н. слова основного словарного фонда, и на них базируется, в первую очередь, представление о ближайшем родстве пермского и угорского. Большая часть именно этих основ рассматривается в пределах финно-угорских сопоставлений без оглядки на тюркские языки. И это не личная точка зрения авторов коми словаря, поскольку соответствующий список с незначительными отклонениями в главном можно проверить как по финскому, так и по новому трехтомному историко-этимологическому словарю венгерского языка.¹⁴ Это взгляд, которого придерживается все финно-угорское языкознание, но, как показывает анализ, не потому, что было проведено всестороннее сравнительно-сопоставительное изучение, имеющее целью выявить связи с тюркскими данными именно этого слоя лексики, а как раз потому, что задача подобного исследования до сих пор в широком практическом плане ставилась только отдельными (в основном — зарубеж-

Чебоксары 1978, с. 98—152; его же, Теория имитативов и данные чувашских диалектов (К теории имитативов — III). — Диалекты и топонимия Поволжья 7, Чебоксары 1979, с. 23—66; его же, Теория имитативов и данные чувашских диалектов (К теории имитативов — IV). — Диалекты и топонимия Поволжья 8, Чебоксары 1980, с. 103—130; см. также И. Г. Добродомов, Г. Я. Романова, Теория имитативов и сравнительно-историческое языкознание. — Диалекты и топонимия Поволжья 7, Чебоксары 1979, с. 146—152; Э. Р. Тенишев, Новое исследование по теории имитативов. — Диалекты и топонимия Поволжья 8, Чебоксары 1980, с. 95—102.

¹² См. статьи по мимологии в книге Н. К. Дмитриев, Строй тюркских языков, Москва 1962.

¹³ О. Н. Трубачев, [Рец. на] O. Szemerényi, Principles of etymological research in the Indo-European languages. — «II Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft», Innsbruck, 1962, с. 175—212. — Этимология 1964, Москва 1965, с. 345.

¹⁴ Речь идет именно об изучении общего финно-угорского фонда лексики в сравнении с тюркским, но не о сепаратных связях; последние изучались и изучаются довольно интенсивно, особенно финскими и венгерскими учеными: Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkischen lehnwörter in der ungarischen sprache, Helsinki 1912 (MSFOu XXX); Y. Wichmann, Die tschuwassischen lehnwörter in den permischen sprachen, Helsingfors 1903 (MSFOu XXI); M. Räsänen, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki 1920 (MSFOu XLVIII).

ными) исследователями, хотя общие рассуждения на эту тему продолжают более трех столетий.¹⁵ Что же касается перечисленных выше наших изысканий, то они привели нас к выводу: за исключением единичных слов, основная масса пермско-угорских параллелей может быть генетически увязана с соответствующим тюркским материалом частично на уровне заимствований (взаимных и из третьих источников), частью на уровне предполагаемого изначального урало-алтайского родства, частично на уровне предполагаемого изначального ностратического родства. Уместно добавить, что чувашский язык сверх этого фонда имеет сотни сепаратных параллелей с венгерским и пермским по-отдельности, а это значит, что у «дальнеродственного» чувашского во много раз больше генетически общих лексических основ с тем и другим финно-угорским языком, чем у двух «близкородственных» финно-угорских языков между собой.

Установленный парадокс может быть понятым только в случае, если генетическое родство и родство в результате разнообразных связей не будут считаться взаимоисключающими явлениями. Ничто не может быть естественней более поздних многократных взаимозаимствований и заимствований из третьих источников у двух или более некогда родственных языков, при этом преобладание заимствований не может, видимо, служить основанием для того, чтобы окончательно отвергнуть и одновременное исконное родство.

¹⁵ См. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974, с. 6—12, 46 и сл.; В. Collinder, *Hat das uralische Verwandte?*, Uppsala 1965 и т. д.; здесь обсуждаются проблемы урало-алтайского генетического родства, что шире нашей постановки вопроса: гомогенность/гетерогенность конкретных общепермско-угорских и общетюркских основ.

GENN KORNILOV (Сeboksary)

EINIGE ERGEBNISSE DES KOMPARATIV-HISTORISCHEN STUDIUMS DER UNGARISCH-PERMISCH-WOLGABULGARISCH-TSCHUWASCHISCHEN LEXIKALISCHEN PARALLELEN

Im «Краткий этимологический словарь коми языка» von V. I. Lytkin und J. S. Guljajev sind etwa 404 Parallelen aus dem Ungarischen enthalten. Nach einer Überprüfung der entsprechenden Wortartikel in den etymologischen Wörterbüchern des Finnischen, Ungarischen und der Komi-Sprache kann man behaupten, daß über 75% der erwähnten Parallelen im Wolgabulgarisch-Tschuwaschischen sowie in den anderen Turk- und Nicht-turksprachen Eurasiens zu finden sind. Einige dieser Stämme sind Entlehnungen (gegenseitige und aus einer dritten Quelle), die anderen — das ural-altaische und nostratische Erbe. Das Tschuwaschische verfügt über Hunderte von «Separatparallelen» mit dem Ungarischen und permischen Sprachen. Also hat das «weitverwandte» Tschuwaschische genetisch mehr gemeinsame lexikalische Stämme in beiden finnisch-ugrischen Sprachen als zwei «nahverwandte» finnisch-ugrische Sprachen untereinander. Das Übergewicht der Entlehnungen scheint kein Grund für die endgültige Ablehnung der Meinung von der gleichzeitigen ureigenen Verwandtschaft zu sein.